

Среди журналов и газет

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРТЕМЕ ВЕСЕЛОМ. На страницах журнала "Волга" (1990, № 3) помещен материал из семейного архива Л. И. Борисевич — друга и жены Артема Веселого. К печати эти материалы подготовлены Е. Говор — внучкой писателя.

"Артем-писатель, талантливый и порой экстравагантный, был известен многим, но в нашей семье, — пишет Е. Говор, — свято хранился образ и другого Артема — любимого, давшего безмерное счастье своим близким, безвестно пропавшего. Двадцать один год я прожила рядом с Людмилой Иосифовной Борисевич — его женой, матерью его младших детей. Их дочь Волга была моей мамой. В те годы о творчестве Артема уже писали статьи и книги, защищали диссертации, но никто не постучал в дверь комнатки в коммунальной квартире, где жила Людмила Иосифовна, не расспросил ее о последних годах жизни Артема, о романах, сгоревших в огне лубянской печей, а ведь именно ее рукой под диктовку автора они скорей всего и были переписаны. Она умерла в апреле 1978 года, пережив Артема ровно на 40 лет...

Когда Людмилы Иосифовны уже не было на свете, я открыла ее заветный, сделанный лагерными умельцами фанерный чемоданчик. Там лежало самое дорогое — сотня писем детей — Левы и Волги, — которые они написали ей за 8 лет детдомовской жизни в лагерь, и несколько тоненьких школьных тетрадок с воспоминаниями об Артеме. Закончив в 1949 году первый очерк и отправив его с надежным человеком дочери в Минск, где та училась в университете, Людмила Иосифовна понимала, что рискует и своей и ее жизнью — разве могла обмануть бдительное око буква "А", скрывавшая здесь имя Артема! Но им мало было просто физического выживания, ей — после 8 лет лагерей, детям — после детдома, они не хотели жить без своего прошлого и постоянно просили мать вернуть своими рассказами им отца, вернуть их счастливые дни на Тверской в Москве, в лодке на стремнине Волги... Второй раз к воспоминаниям об Артеме Людмила Иосифовна по просьбе детей вернулась в 1956 году, на этот раз она писала более подробно, год за годом...

Раскрываются архивы, — пишет далее Е. Говор, — и становится известно, что расстреляли Артема много раньше официальной даты смерти — в апреле 1938 года, а его рассказ "Босая правда", осужденный в специальном постановлении ЦК ВКП(б) 1929 года, инкриминировался ему и в обвинительном заключении. И даже если мы не узнаем, кто был тот сексот и пытавший его следователь, ясно главное — его казнили за его книги, а значит, в них — правда".

"Надо рассказать тебе и Леве, — пишет Л. И. Борисевич в своих воспоминаниях, — хоть немного об отце, но со мной произошла удивительная вещь.

Они увели Артема 28 октября 1937 года, и с той ночи потянулась для меня одинокая, странная, иногда ужасная жизнь.

Но все это время жил возле меня, был всегда рядом, как бы стоял у меня за плечом близкий человек: я жаловалась ему; я утешала его; я гордилась им; я проклинала его; я любила его; я не ждала его; я берегла ему ваши письма; я оплакивала его; я ужаснулась его судьбе; я судьбу его разделила с ним.

Так прожила я восемнадцать лет.

И вдруг все рухнуло от одной фразы, написанной мелким почерком в скобках: "(он умер в 1939 году)".

Более десяти лет их связывала большая дружба. Людмила Иосифовна была всегда рядом.

ВЛ, 1991, № 3

"На суде, в 1956 году, при оформлении брачных отношений я "показывала", что прожила с Артемом одиннадцать лет. Но это не совсем так: я не прожила их, а скорей проплавала и проездила".

Л. И. Борисевич рассказывает о том, как она познакомилась с Артемом Веселым.

"Он, — пишет она, — привлек мое внимание на улице своим довольно забавным видом. [В конце 1924 г.] жила я на Новой Басманной, 31, в огромном доме с двумя парадными. Выхожу из своего, а навстречу мне к другому парадному направляется рослый парень, именно парень, а не юноша или молодой человек. На голове несет новенькую плетеную детскую кроватку, непринужденно придерживая ее одной рукой, как разносчик. Не будь кроватки, я, наверное, не обратила бы на него внимания (совсем не мой герой!). Лицо чуть грубоватое, не в меру румяное; ему очень не шла небольшая круглая шапка с кожаным верхом и черным барашком. [Был он] в морском бушлате не первого срока с блестящими пуговицами, умеренное галифе и сапоги, делающие его как будто еще выше ростом.

Имея в виду кроватку, я мельком подумала — должно быть, Верин парень. Я слышала, что Вера, недавно приехавшая в Москву и поступившая на фабрику Комсомола, в Крыму влюбилась с одного взгляда в демобилизованного матроса, зашедшего в ячейку. Веру я видела мало и не интересовалась уточнить — он ли это, как не знала я и того, что Верин матрос — писатель. [...]

Помню тягостное, ни с чем не сравнимое чувство, которое меня не оставляло с момента сокращения с работы на фабрике. Как будто ты всех хуже и все тебя лучше. То, что работу мне предложил он сам, дела не меняло. Подавленная этим чувством, я и вошла к Артему. Он с деловым видом, без предисловий, предложив стул, начал объяснять, что я должна буду делать и сколько буду получать за это. По наивности или от смущения я поняла, что эту работу Артем взялся сделать сам кому-то, но ему некогда, так он, уже от себя, нанимает меня. Я еще не знала ни того, как писатели пишут книги, ни того, что Артем — писатель. [...]

Так началась одна линия наших отношений...

Попутно с материалами для "Гуляй, Волга", что было моей основной работой, Артем задавал и для "России, кровью умытой" что-нибудь. Над "Россией" он работал непрерывно. Не помню когда, сказал, что "Россия" — это жена, а "Гуляй, Волга" — любовница, то есть отдых, для души...

Диктовал он, должно быть, для того, чтобы слышать фразу, особенно места отступления, или после поездки диктовал очерк для газеты. Иногда перед диктовкой заставлял меня выслушать текст и сказать свое мнение".

Людмила Иосифовна рассказывает о том, как жил писатель, получив комнату в доме ВЦИК на Тверской улице.

"На стенах ничего не висело. На окнах не было ни гардин, ни штор. Стоял красивый, с инкрустацией, на изогнутых ножках овальный стол, какие мне приходилось видеть только в музее. (Его в конце концов какая-то комиссия забрала.) Это осталось от прежних хозяев этой квартиры — большой, в шесть-семь комнат... Было несколько стульев; примитивная, из некрашенных досок, высокая, как рукой достать, книжная полка стояла в простенке у дверей. И другая полка, небольшая, попрличней — крашенная и с задней стенкой...

Лампа посередине комнаты с эмалированной тарелкой-рефлектором на блоке. Ее можно было подтягивать к тахте, заменяющей кровать. Артем обыкновенно читал лежа...

Дверь комнаты выходила непосредственно в общий коридор, перегородженный в комнатку. А где находилось скромное хозяйство Артема: чайник и прочее, не помню. Обедал да и завтракал в столовой, ресторане. [...] Квартира была большая, в каждой комнате — семья. Писал ночами, поэтому имел привычку после обеда вздремнуть, прикрыв ухо думкою...

Лева 27 ноября 1927 = 20 ноября 2000

Придя к нему... утром, застала его за необычным занятием. Он прикреплял кнопками к стене листы своей рукописи, располагая их в один ряд. На другой стене рукопись уже красовалась. Прodelывал он это совершенно серьезно. Поэтому и я, не спросив, для чего все это, сочла своей обязанностью помочь ему и, закончив работу, уселась к столу писать. Он объяснил мне, что так легче писать. Глава, над которой он работает, вся как на ладони. Но это как-то не привилось".

Одиннадцать лет их совместной жизни прошли в поездках и плаваниях, и об этом Людмила Иосифовна подробно рассказывает.

Воспоминания датированы 1956 годом. Трагическая смерть дочери окончательно сломила ее. "...Оборванная на полуслове тетрадь навсегда скрылась в лагерьном чемоданчике", — пишет Е. Говор.

ИВАН ШМЕЛЕВ О ДОСТОЕВСКОМ. Журнал "Волга" (1990, № 4) предлагает впервые вниманию читателей центральные главы из книги "О Достоевском. К роману "Идиот" русского писателя Ивана Шмелева.

Книга эта была написана писателем в августе 1949 года, за десять месяцев до его смерти.

Влияние Достоевского на Ивана Шмелева было огромно, особенно оно усилилось в эмигрантский период его литературной деятельности, когда главными для писателя становятся религиозно-нравственные вопросы.

"...В России XIX века многое у Достоевского называли выдуманным, фантастическим. Достоевский протестовал: "моя фантастичность реальней вашей реальности!". Достоевского называли "больным талантом", черпающим из судебной хроники, даже "бульварным романистом"...

Уже полвека разгадывают очарователя, нагружают таким, чего он и не воображал, и упускают то, что сокровенно дано, загроможденное "вводным" и блеском юмора. Читатель ошеломлен и порой чувствует себя опустошенным.

В этом смысле Достоевского можно назвать "жестоким талантом". Можно признать, что в нем соединено все, что рассыпано у великих писателей мира, что разрежено во всех людях, способных думать и вопрошать о Жизни и ее смысле, о своей судьбе, о цели бытия своего и, вообще, Бытия".

"Вопрос о Боге" — проходит во всех главных романах Достоевского, "это — основа их".

Роман "Идиот" "художественно вскрывает, что высоких слов, пафоса, смирения, кротости и прочих добродетелей недостаточно для исправления сбившейся с пути жизни...

В романе князь ни воли, ни любви не проявляет и ничего, конечно, достичь не может. Прекраснодушной проповеди мало. Нужна великая воля и деятельная любовь. Надо начинать с перевоспитания, с детей. О детях много в откинутых вариантах романа.

Достоевский, произвольно, сделал попытку дать религиозный роман. Эта попытка повторится решительней в "Братьях Карамазовых", где будут поставлены вопросы не только социальные, а высшего назначения. По его записям видно, что намечался новый роман, с главным героем — Алешей, посланным старцем Зосимой "в мир".

Этот роман мог явиться синтезом нравственно-социального и религиозного романа, новым направлением в искусстве. Преждевременная смерть этому помешала...

Намерение Достоевского — дать "совершенно прекрасного человека" — не получило осуществления. Но, произвольно, по вдохновению, осуществилось другое, важнейшее, как бесспорный вывод: устройство царства Божия на земле, освобождение от греха и смерти возможны только путем религиозного обновления. И потому роман